

Первые выпускники 2-го Высшего Военно-Морского училища подводного плавания

С Востока на Запад

Селин Владимир Терентьевич,
выпускник
штурманского
факультета
2 ВВМУШ 1955 г.

Занятия в ТОВВМУ начались 1 октября 1951 года. Сразу после начала занятий поползли слухи, что часть курсантов будет переводиться в г. Рига, во вновь созданное училище (РВВМУ – в/ч 98994). Потом действительно начали составлять списки. Туда записались все европейцы, азиаты, сибиряки вплоть до г. Новосибирска. Дальневосточники – забайкальцы и хабаровчане – ехать отказались. Нас же, желающих перевестись в Ригу, набралось 133 человека.

7 ноября 1951 года мы под руководством подполковника Шканова Петра, зам. начальника по строевой части училища, выехали в Ригу. Разместились в двух спальных вагонах. Проводники были предупреждены, и мы никого в вагоны не пускали. Было установлено дежурство. Приборку в вагонах делали сами. Дорогой питались сухим пайком, который нам выдали при отъезде, и покупали на станциях Транссиба горячую картошку с солеными огурцами и квашеной капустой.

15 ноября 1951 года прибыли в столицу нашей Родины – город Москву. Поезд прибыл на Ярославский вокзал, там нас ждали две машины «Форд» голубого цвета из Главного штаба ВМФ СССР. Погрузив вещи на грузовики, мы

сами пешим порядком отправились на Рижский вокзал.

Это было мое первое посещение Москвы. Курсанты сразу разбрелись кто куда (некоторые были из Москвы), а мы группой прошли по 1-й Мещанской (ныне проспект Мира). Потом все вернулись на вокзал.

На вокзале ходил маленький и полный капитан 1 ранга – это оказался наш новый начальник училища Безпальчев Константин Александрович.

Леша Венедиктов подошел к нему и по уставному поздоровался, на что Безпальчев ответил: «Здравствуй, Алеша» – это был его воспитанник из Рижского Нахимовского училища, а он его бывший начальник.

Вечером сели в поезд и поехали в Ригу. Поезда в то время ходили медленно и с остановками. Помню, как проезжали Великие Луки – станция была вся разбита, одна деревянная будка (домик) стояла.

Утром 17 ноября 1951 года прибыли в Ригу. Вокзал был крытый, и поезда входили прямо вовнутрь.

Железнодорожные пути были ниже, чем теперь. Погода нас встречала прекрасная: было тепло, светило солнце, чистые улицы и везде надписи на неизвестном языке. Но самое главное, что нас поразило – это мужчины, стоявшие у киосков и пьющие пиво прямо из горлышек бутылок.

Сразу пошли в училище. Оно располагалось рядом с вокзалом. Рядом были горотдел милиции и огромная радиовышка. Напротив училища была знаменитая 17-я средняя женская школа (в начале независимости Латвии власти неоднократно пытались ее закрыть, но русская община ее отстояла). Потом она переехала на улицу Горького (Кришьяна Волдемара) и стала просто русской средней школой. А школьное здание помещением заняла какая-то организация по школьному образованию.

Знаменита 17-я школа была тем, что там учились очень красивые девушки, ходившие на танцы в наше училище, и ставшие многие из них женами наших курсантов.

Слева от школы находилась гостиница «Метрополь» с рестораном. Однако наш путь лежал не туда.

Побросав крупные вещи, мы отправились в санпропускник и баню на улице Маскавас. Пропарив снятые с себя шмотки и вымывшись сами, мы отправились на обед в столовую Рижского Нахимовского училища.

Столовая в учебном корпусе вступила в строй несколько позже.

Третий этаж был разбит бомбой еще со времен войны, и из концертного зала светилось голубое небо Прибалтики. Нас поселили в правом крыле учебного корпуса со стороны бульвара Падомью, 5.

В левом крыле было женское общежитие какого-то техникума или института. Девушек оттуда еще не выселили и они каждое утро демонстрировали перед нами свои прелести и махали руками. Притаскивая откуда-то койки и матрасы, мы начали устраиваться. Когда девчата освободили левое крыло здания (напротив канальчика) нас переселили туда и мы там прожили 2-й 3-й курсы.

Об авторе: Селин В.Т., капитан 2 ранга.

Службу проходил на Северном флоте. Участник 135-суточного похода ПЛ Б-82 Северного флота 15.11.1958–01.04.1959 в Южную Атлантику с целью проведения гравиметрических измерений, обеспечивающих расчеты траекторий баллистических ракет и космических аппаратов (О гравиметрической экспедиции на ПЛ Б-72 Тихоокеанского флота см. воспоминания Р.А. Голосова «Притяжение Земли» («Атомная стратегия», 2013, № 76, с. 17–20); <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4342>

Служил заместителем руководителя 357 военной приемки МО СССР на Свердловском заводе точной механики (гироскопы, гиросимульты, инерциальные системы). Автор-составитель сайта «Советский подводник»: <http://rigapodplav.narod.ru>

Стальной гигант качался и стонал, или Прогулка перед сном

Ушамирский Анатолий Леонидович,
выпускник минно-торпедного факультета 2 ВВМУШ 1955 года

И вот тут припев:

*А море Черное ревело и стонало
На скалы с грохотом летел за валом вал
Как будто море чьей-то жертвы ожидало
Стальной гигант...*

И в этот момент полтысячи ботинок с подковками на три шага: трах-трах-трах!

Качался и стонал!

В конце концов эта дама в шелках его отвергла, и он её утопил. А потом сильно страдал. Вот такая строевая песня. А вдоль бульвара стоит мирное население. И офицеры из Рижского филиала Военно-воздушной академии имени Жуковского стоят и изумляются – идет воинская часть и блатные песни поет. Дружно и мрачно!

Прошло много лет. Я сотрудничал с одним институтом, который занимался противоракетной обороной. Такой закрытый институт, в котором все ходило в гражданском, но реально все начальники отделов и лабораторий – майоры и подполковники, как правило – из «Жуковки». А я на пиджаке носил наш училищный ромбик. И один полковник спрашивает – какое я училище кончал.

– В Риге. Подводного плавания.

– О! А я был в филиале «Жуковки»! Прибегают мои лейтенанты и говорят: «Товарищ капитан, там матросы ходят и блатные песни поют в строю!» Я не выдержал, побежал посмотреть, а тут вы идете, и!

Разместили нас возле оперного театра. Два квартала в центре Риги. И вот весна, зелень, Рига цветет, а больше всего расцветают латышки, девочки – в таких непривычных для нас красных и белых кофточках, в юбочках до колен, а у нас – вечерняя прогулка. Перед сном. Мы, училище – полтысячи гавриков, одетые по второму сроку, в яловых ботинках с металлическими подковками – мрачно идем и поем. Командиры нам сказали – пойте что угодно, только пойте. А мы из Севастополя привезли такую песню:

*Они стояли на корабле у борта,
Он смотрит на неё страданьем и мольбой
На ней прекрасный шелк,
на нем костюм матроса
Он замер перед ней с протянутой рукой.*

Стоят: Лев Архипов и Олег Васильев, сидят: Василий Малютин (впоследствии – командир ПЛ С-181 и С-232) и Владимир Селин.

50-е годы, Рига. Парадный расчёт 2-го ВВМУПП.

Как будто море чьей-то жертвы ожидало...
И подковами — раз!

* * *

Вот так с будущими коллегами по противоракетной обороне впервые увиделся — на вечерней прогулке.

А вообще много песен было, мы их, как правило, на свой лад переделывали. Одной из любимых вещей был «Курсантский вальс», тоже привезенный с Черного моря.

Вальс свой танцуй, курсант, не забудь:
Труден, суров, но прекрасен твой путь...

...

Честь моряка не роняй никогда,
Честь моряка — это флаг корабля.

И спето, и выпито было много, и есть что вспомнить, и мы ни о чем не жалеем. Школьные друзья всегда меня упрекали и упрекают: что я-де свою юность загубил на военной службе.

Дураки вы все!

Анатолий Леонидович УШАМИРСКИЙ
В 1964 г. окончил Московский авиационно-технологический институт, работал на заводе им. Хруничева, в КБ им. Расплетина, в Монтажно-технологическом управлении «Альтаир». Запись и фото 16 июня 2013 г., г. Москва.

Гибель лейтенанта Венедиктова

Из книги В. Г. Лебедько «На службе Советскому Союзу» [1].

Подготовка подводных лодок к плаванию продолжалась, и 30 ноября мы вышли из бухты Крашенинникова для определения маневренных элементов на мерной линии в Авачинской губе. После прохождения лодкой двух-трёх галсов усилился западный ветер, поднимая от недалеко находящегося берега крупные волны.

В зависимости от направления движения лодки волны всё чаще и чаще перекачивались через кормовую надстройку, на которой была закреплена сходня. То, что сходня покосилась и вот-вот рухнет за борт, первым увидел сигнальщик.

После доклада командиру кормовую швартовую команду вызвали наверх. Я хотел было назначить одного из матросов для крепления сходни, но А. Н. Венедиктов сказал:

— Не нужно, Владимир Георгиевич, это моё заведование, я за него отвечаю, поэтому пойду сам.

Он одел капковый бушлат (ненамокающее спасательное средство). Я обвязал его тросом, а вторым концом обвязался сам. Улучив момент, мы оба выскочили на палубу. Я держался за поручни кормовой части ограждения рубки, а Алексей, пробежав несколько шагов, пополз по палубе к сходне. И вот он, девятый вал!

Удар волной с левого борта был такой силы, что меня оторвало от ограждения рубки и швырнуло в пустую нишу артиллерийского орудия, которое сняли в доке. Всё же я увидел, как Алексей полетел спиной за борт, а на него сверху полетела сходня. Затем шкерт, связывающий меня и Алексея, оборвался.

— Человек за бортом! — закричал я во всю силу своих лёгких.

Но на мостике всё видели и так. Лодка круто повернула право и через некоторое время, уменьшив ход, перейдя на электромоторы, стала подходить к Венедиктову.

Положение его было несколько странным: голова, ноги и руки опущены вниз. Признаков жизни он не подавал. Вздувшийся капковый бушлат гнал по ветру Алексея в центр Авачинской губы. Вдруг из швартовой команды бросился за борт моторист матрос Гебель Александр Яковлевич.

Он подплыл к Венедиктову и потащил его к лодке. Их обоих подняли на борт. Алексей Николаевич был мёртв. На лодке приспустили флаг и начали движение в базу.

Кто и как устанавливал потом причину падения офицера за борт, нам было неизвестно. Но все понимали, что командир в такой ситуации должен был снизить скорость хода, развернуться навстречу ветру и только тогда дать разрешение нам с Алексеем открыть дверь ограждения руб-

Венедиктов Алексей Николаевич

Родился 07.12.1932.

В 1950 г. поступил в ТОВВМУ.

В 1955 г. окончил 2 ВВМУПП.

Назначен на ПЛ С-91 162 бригады 33 дивизии подводных лодок Северного флота.

Исключен из списков офицерского состава в связи с гибелью 06.12.1955 при исполнении служебных обязанностей.

Из материалов Центрального военно-морского архива (ЦВМА).

ки для выхода на палубу. Если бы не успели, — ну и чёрт с ней, с этой сходней. Но всего этого В. П. Милованов не сделал. Видать, торопился «до дому».

До приезда патологоанатомов из Петропавловска тело Венедиктова положили на возвышении в одном из отсеков плавбазы «Нева». И с этого момента до утра следующего дня наши офицеры попеременно находились в отсеке. Кто-то поставил Венедиктову в руки свечу, и мы поддерживали её горение.

Всмотревшись в лицо Алексея, я вдруг заметил, что по его лицу сбегает какие-то блестящие капельки. Нагнувшись ближе, я увидел, что он плачет. На какое-то мгновение я оцепенел, но, когда первый шок прошёл, я понял, что из его глаз вытекает морская вода, и до прихода сменщика пришлось вытирать его «слёзы».

Была создана комиссия по организации похорон, которую возглавил капитан-лейтенант В. Н. Поникаровский. Утром я, как член комиссии, должен был присутствовать при вскрытии. Эта ужасная процедура может повалить в обморок.

Вскоре мне показали мозг Алексея с чёрными точками, что являлось свидетельством удара по голове падающей тяжёлой сходней.

Я расписался в акте и вышел на свежий морозный воздух. Это был воздух жизни, который, несмотря на печальную процедуру, радовал с каждым вдохом.

Офицеры спустились в кубрик нашего экипажа. Матросы и старшины уже переоделись по первому сроку, группами сидели на койках

и о чём-то говорили. Подойдя к группе мотористов, я снял с себя золотые часы «Победа» и подзвал А. Я. Гебеля. В кубрике все встали.

— За мужество и верность морскому братству прими на память, Александр Яковлевич, эти золотые часы.

Я пожал ему руку, и мы вышли на верхнюю палубу ПКЗ-108 [2].

3 декабря 1955 г. Алексея хоронила вся бригада.

Алексея похоронили на Тарьинском кладбище [3], на берегу бухты Крашенинникова.

В 1956–1957 годах, до ухода во Владивосток, мы регулярно посещали место захоронения: красили, подчищали, прибирали могилу. После нас это уже никто не делал.

Через 34 года я участвовал в учении 2-й флотилии подводных лодок и решил посмотреть, как там могилка нашего товарища. Не только могилки, но и кладбища не нашёл — всё вобрала в себя непролазная берёзовая роща.

Много я видел подобных погостов по России, и везде меня поражала запущенность, неухоженность, забытость. Не за это ли расплачиваемся в веках, сколько существуем?!

[1] Лебедько Владимир Георгиевич (р. 1932) советский подводник, контр-адмирал, профессор. В 1955 г. — старший помощник командира ПЛ С-91. Источник: http://airmat.narod.ru/K7/Lebedko_3.html

[2] Плавказарма

[3] Тарья — посёлок в нескольких км от базы подводных лодок.

www.proatom.ru www.proatom.ru

Комментарии читателей сайта www.proatom.ru

Права нет, но нет и сил удержаться: примите благодарности, МУЖИКИ! В 1956 поступил в 1-е Балтийское - ВВМУ п/п, штурманский ф-т. Уволился по болезни после первого курса, в первое Хрущёвское сокращение на 1.2 млн. Добрая память об однокашниках, командирах-старшинах, старшекурсниках со мною навсегда. Комодом в моём 2 взводе был Валя Суворов. После отбоя иногда он брал трубу и фантастически мощно и красиво пел ею о жизни, его ощущениях. Мы были далеко от вахты дежурного офицера, и он мог без риска отдаться музыке. Понимал я и ребята в музыке вполне основательно, потому что «Серенада в Солнечной долине», Элла, Луи... А теперь прошу меня простить: лет 15 тому ожидая электричку, читаю стендовую газету. Пишет офицер флота, подводник. Тезис: американцы ЖИЗНЬ подводника считали первым приоритетом корабельной жизни. А вот командира ПЛ, спасшего жизнь команды выходом через торпедный аппарат, затонувшей лодки, посадили на 10 лет, и он там умер. Звали этого командира, кап 2, Валентин Суворов. Первый раз в жизни я ревел в голос: Валя после отбоя с трубою к звёздам, душою летящей в бесконечность Вселенной